

АЛЕКСАНДР ОСЫКОВ,
БОРИС ОСЫКОВ

БЕЛОГОРЬЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ

В 2022 году увидела свет новая книга белгородских писателей, братьев Александра и Бориса Осыковых “Белогорье литературное”, рассказывающая о том, как связаны с Белгородчиной судьбы и творчество многих известных русских поэтов и писателей. Предлагаем вниманию читателей очерки из этой книги.

Свадьба в Новой Таволжанке

В 1882 году известная всей России торговая фирма “Петра Боткина Сыновья” приобрела в Шебекинской волости Белгородского уезда Ново-Таволжанский сахарный завод и вскоре превратила его в крупное предприятие, оснащённое новейшим оборудованием. И главным промыслом для крестьян Новой Таволжанки стали “возка, полка и прорывка бураков на заводских полях”.

Рядом с сахарным заводом быстро вырос посёлок: общежитие для сезонных рабочих, в двухэтажном здании – столовые, библиотека и даже кинематограф; были построены больница и школа с трёхлетним обучением, преобразованная затем в заводское училище Товарищества Боткиных. К заводу проложили железнодорожную ветку. Завели Боткины и питомник фруктовых деревьев, винограда, кустарников и декоративных растений. Сажены “от Боткиных” охотно покупала вся Курская губерния.

Просторный господский дом в Новой Таволжанке, окружённый садом с липовой аллеей и чистыми прудами, по осени замирал и всю зиму стоял тихий и одинокий. Но с приходом погожей летней поры вновь радушно встречал своих столичных хозяев и их разноликих гостей.

У основателя фирмы П. К. Боткина было четырнадцать сыновей. Самый известный из них Сергей Петрович Боткин (1832–1889) – знаменитый врач, основоположник русской клинической медицины. Дмитрий Петрович Боткин (1829–1889) руководил после отца торговой фирмой и Ново-Таволжанским сахарным заводом, но был и знатоком живописи, и даже председателем Московского общества любителей художеств, и Почётным академиком Императорской Академии художеств. Да и остальным Боткиным не чужд был мир искусства. Михаил Петрович (1839–1914) стал известным художником. Василий Петрович (1811–1869) – литературный критик и публицист, дружеские отношения связывали его с Толстым, Тургеневым, Некрасовым, Страховым, Тютчевым, но особенно близко сошёлся он с Афанасием Афанасьевичем Фетом.

В доме Василия Боткина Фет познакомился с его сестрой Марией, и в 1857 году она стала его женой. Стала не только матерью детей поэта,

но и его музой. Именно к ней он обращается в своих стихотворениях, вошедших в самый известный его сборник “Вечерние огни”.

Феты не раз бывали в Новой Таволжанке, в гостеприимном боткинском доме. Афанасий Афанасьевич и сам владел неподалёку – в Щигровском уезде – имением Воробьёвка. . .

В один из дней в Москве седую чету Фетов посетила их племянница, дочь упомянутого выше Дмитрия Петровича Боткина Лизонька. И Фет вручил прелестной девушке третий выпуск книги “Вечерние огни” с чудесным автографом:

Если захочешь ты душу мою разгадать,
Ты перечти со вниманием эту тетрадь.
Можно ли трезвой то высказать силой ума,
Что опьянённому муза прошепчет сама?
Я назову лишь цветок, что срывает рука.
Муза раскроет и сердце, и запах цветка...

Стихи эти впоследствии вошли в новые, более полные издания “Вечерних огней”. Продолжают их печатать и теперь в сборниках поэзии А. А. Фета.

А ещё через год к Фетам пришла радостная весть: в Новой Таволжанке готовится бракосочетание Лизоньки – Елизаветы Боткиной – с Константином Густавовичем Дункером, старшим инженером сахарного завода. И Феты, прошедшие всего лишь неделю после долгих “зимних каникул” в родной Воробьёвке, отправились в Белгородский уезд.

Нежно-зелёный, уже начинающий цвести – “словно молоком облитый” – сад звенел весёлой переключкой голосов, наполнился бравурным звучанием оркестра. Но вот смолкло всё, и в чуткой тишине раздался негромкий, с лёгкой хрипотцой голос поэта:

В часы забав, во дни пиров,
Пред божеством благоговя,
Поэты славили любовь
И пышный факел Гименя.

Он горячо волнует грудь
И сквозь покров полупрозрачный
На расцветённый кажет путь
И жениху, и новобрачной.

И мы отраду возвестим
Князьям сегодняшнего пира;
Споёт о счастье молодом
Моя стареющая лира.

На юность озираясь вновь
И новой жизнью пламенея,
Ура! И я хвалю любовь
И пышный факел Гименя.

(На листе со строками стихотворения, внизу, указаны дата и место: “30 апреля 1889. Село Таволжанка”).

Уже возвратившись в Воробьёвку, в письме к одному из своих друзей Фет так поведал о свадьбе в Новой Таволжанке: “Через неделю по приезде нашем в деревню мы поехали на восток от Белгорода, к Боткиным на их сахарный завод, где происходило 30-го апреля бракосочетание нашей племянницы с инженером Дункером. Воздерживаюсь от описания торжества, в котором мне пришлось фигурировать сперва как камергеру, вводящему невесту в церковь, а затем и как поэту, произнёсшему пару строк с бокалом в руке” . . .

И всякий раз, перечитывая волшебные фетовские строки, перелистывая его “Вечерние огни”, мы вспоминаем, что он ходил по белгородской земле, дышал белгородским воздухом.

“И – боготворит Гоголя”

Осенью 1831 года наш выдающийся земляк, великий русский актёр М. С. Щепкин читал в кругу домашних и друзей сильно взволновавшее его произведение никому не ведомого “пасичника Рудого Панька” “Вечера на хуторе близ Диканьки”. В этих весёлых повестях всё было для Михаила Семёновича таким близким, таким щемяще родным. И уже в следующем, 1832-м, происходит событие поистине примечательное, знаковое...

Щепкины уже несколько лет жили в собственном доме, в тихом московском переулке, выходявшем на Садовую-Самотёчную улицу, подле церкви Спаса-на-Песках. Семья всё разрасталась. За обеденный стол обычно садилось человек двадцать пять. В этот день за обедом было весело. Вдруг прибежала служанка и, мешая русские и украинские слова, сказала: “Там якись паныч молодой пришёл, Михаила Семёновича спрашивает...”

– Проси, проси прямо к столу! – живо откликнулся Щепкин, любивший неожиданных гостей.

В комнату вошёл и остановился на пороге франтовато одетый молодой человек: большой, туго накрахмаленный воротничок, пёстрый жилет, по которому змеится цепочка. Гладко выбритый, с подстриженными височками и хохлом на голове, он имел весьма задорный вид. В его круглых карих глазах вспыхивали весёлые искорки. Но прежде всего бросался в глаза его длинный нос. Оглядев довольно насмешливо многолюдное общество за столом, молодой человек, не сходя со своего места, продекламировал:

Ходить гарбуз по городу,
Пытаея своего роду:
Ой, чи живи, чи здорови
Вси родычи гарбузови?..

Для Щепкина, молодость которого прошла на Украине, этот шуточный куплет прозвучал словно пароль. Да это же Гоголь! Юный автор брызжущих весельем “Вечеров на хуторе близ Диканьки”! И Щепкин кинулся к дорогому гостю...

С тех пор они встречались часто, и беседы их были живы и увлекательны. Их столкое родило – Малороссия, литература, театр. В ранней молодости и Гоголь пытался стать актёром. В Нежинской гимназии участвовал в любительских спектаклях. Михаил Семёнович охотно передавал любимому другу богатства своей памяти – неиссякаемый запас всевозможных наблюдений. Живые люди из рассказов актёра становились персонажами произведений писателя, а сами рассказы – неотъемлемой частью гоголевских сюжетов. Так Щепкин передал Гоголю рассказ о городничем, которому нашлось место в тесной толпе, и о сравнении его с лакомым куском, попадающим в полный желудок. Слова исправника: “Полюбите нас чёрненькими, а беленькими нас всякий полюбит”, – тоже были переданы Гоголю М. С. Щепкиным. Михаилу Семёновичу принадлежит и история с одичалой кошкой, которая вошла в повесть “Старосветские помещики”.

Гоголь, в свою очередь, делится со Щепкиным планом первой своей комедии “Владимир 3-й степени”, над которой он работал. Актёр и драматург В. И. Родиславский, записавший со слов Щепкина содержание не дошедших до нас сцен комедии, сообщает: “С особенною похвалою М. С. Щепкин отзывался о сцене, в которой герой пьесы, сидя перед зеркалом, мечтает о Владимире третьей степени и воображает, что этот крест уже на нём”.

А в мае следующего, 1833 года Щепкин на сцене Большого театра впервые исполняет роль Чуба в “малороссийской интермедии в I действии по повести Н. В. Гоголя “Вечера на хуторе близ Диканьки”. Наш земляк Н. В. Станкевич в письме на родину, в Удеревку, возмущался этой инсценировкой, называл её “вздором”, оканчивающимся традиционной пляской. “Ни одна рожа по-хохлацки не умеет говорить, но Щепкин – гений. Он говорит прекрасно по-малороссийски и настоящей хохол!”

В начале мая 1835 года Щепкины – у поэта, бывшего министра юстиции И. И. Дмитриева на вечере в честь Гоголя. “Собралось, – рассказывал приятель Гоголя Т. Г. Пащенко, – человек двадцать пять московских литераторов, артистов и любителей, в числе которых был и знаменитый Щепкин с двумя своими дочерьми. Гостеприимный хозяин и все просили Гоголя прочесть

“Женитьбу”. Гоголь сел и начал читать. По одну сторону Гоголя сидел Дмитриев, а по другую — Щепкин. Читал Гоголь так превосходно, с такою неподражаемой интонацией, переливами голоса и мимикой, что слушатели приходили в восторг, не выдерживали и прерывали чтение различными восклицаниями... Восторженный Щепкин сказал так: “Подобного комика не видал в жизни и не увижу!” Потом, обращаясь к дочерям, которые готовились поступить на сцену: “Вот для вас высокий образец художника, вот у кого учитесь...”.

19 апреля 1836 года на сцене Александринского театра в Петербурге была в первый раз представлена “оригинальная комедия” “Ревизор”, сочинение молодого, 27-летнего Гоголя. Комедия наделала в столице столько шума, что автор, глубоко переживавший происходящее, только через десять дней собрался послать пьесу в Москву. И первый из подаренных москвичам авторских экземпляров имел на титульном листе, сразу под названием пьесы, такую надпись: “Моему доброму и бесценному Михаилу Семёновичу Щепкину от Гоголя”.

В московском Малом театре премьера “Ревизора” состоялась 25 мая того же 1836 года. Трудно было ожидать, что кто-то сможет превзойти знаменитого петербургского актёра И. И. Сосницкого в роли Городничего, но великому Щепкину это удалось. Мнение современников было едины: Щепкин-Городничий — “само совершенство”. “Его игра — творческая, гениальная, — отмечал Белинский. — Он не помощник автора, но соперник его в создании роли”. По свидетельству И. И. Панаева, “после “Ревизора” любовь Щепкина к Гоголю превратилась в благоговейное чувство. Когда он говорил о нём или читал отрывки из его писем к нему, лицо его сияло, и на глазах показывались слёзы”.

Роли Щепкина в гоголевских пьесах стали вершиной его сценического творчества. Только в мундире Городничего он выходил на театральные подмостки свыше ста пятидесяти раз.

Гоголя и Щепкина сближала общность взглядов на литературу и искусство. Оба великих художника понимали высокую миссию театра и сознавали необходимость обновления театральных форм, языка драматургии, средств выразительности. Щепкин оказал писателю помощь как опытный театральный мастер, пьесы же Гоголя вдохнули в творчество Щепкина новую живительную струю: ведь в тот период развития театрального искусства Михаил Семёнович буквально задыхался от пустых и безликих пьес, в которых ему приходилось играть. Гоголя он ставил выше всех драматургов своего времени.

14 октября 1839 года Гоголь вдвоём со Щепкиным приезжают в дом Аксаковых, где Николай Васильевич читает свои новые творения. На следующий день С. Т. Аксаков пишет из Москвы в Петербург сыновьям: “В прошедшую субботу Гоголь читал у нас начало комедии “Тяжба” и большую главу из романа “Мёртвые души”. И то, и другое — чудные созданыя”...

9 мая 1840 года Щепкин на именинах у Гоголя. Здесь же — Аксаковы, Лермонтов, Загоскин и многие другие. После обеда в саду “Лермонтов читал наизусть Гоголю и другим, кто тут случился, отрывок из новой своей поэмы “Мцыри” и читал прекрасно”. Потом в беседке Гоголь “с особенным старанием” приготовил жжёнку, “причём говаривал много очень забавных шуток” (С. Т. Аксаков).

Письма, мемуары, статьи и рецензии литературных критиков и театроведов сохранили множество поразительных свидетельств творческой дружбы двух великих подвижников российского искусства. Приведём ещё одно — почти неизвестное, затерянное на дальней полке архива. В 1845 году Щепкин гастролировал в Симферополе. Не пропустивший ни одного крымского спектакля с участием великого актёра, композитор и музыкальный критик А. Н. Серов писал сестре: “В субботу я провёл с ним (Щепкиным) часов шесть вместе... Щепкин чрезвычайно интересен в обществе. Если его затронут со стороны искусства — он говорит неутомимо и притом дельно и умно. Замечания его о разных разностях для меня были просто драгоценны. По всему видно артиста мыслящего. Он целую жизнь наблюдает и учится над всем и от всех... И — боготворит Гоголя, с которым близко знаком”...

Февраль 1852-го. Москва. На Масленице Щепкин приехал к больному Гоголю и, стараясь вывести писателя из состояния апатии, “рассказал ему много смешного и напомнил, что у него нынче отличнейшие блины, самая лучшая икра и т. д. Гоголь обещался приехать обедать, условившись во времени... Но 7 февраля, в четверг, Гоголь причащался и с тех пор находился в “отчуждённом состоянии духа”. Пришедшего к нему Щепкина не принял “из боязни,

чтобы Михаил Семёнович, которого он уважал и слушался, не уговорил его подкрепить себя пищею” (Ф. И. Буслаев. Мои досуги). 21 февраля в 8 часов утра Н. В. Гоголь скончался.

На похоронах писателя Щепкин последним склонился над ним в скорбном молчании и закрыл крышку гроба. Уход из жизни Гоголя настолько потряс Щепкина, что артист впал в апатию, потерял вкус к жизни и, по выражению его младшего брата, “совсем опустился и оставил уже все свои надежды на будущность”. И всё же он нашёл в себе силы, чтобы заняться подготовкой к изданию посмертного литературного наследия Гоголя, используя все свои связи и знакомства для снятия цензурных запретов. Щепкин включает в свой репертуар гоголевские пьесы, читает отрывки из его прозаических произведений.

Великого писателя и незабвенного друга Щепкин помнил – и душой и сердцем – до последних своих дней. Буквально до последних. Слуга актёра Александр Алмазов свидетельствовал: “За три дня до смерти (11 августа 1863 года. – **Авт.**) сознание Михаила Семёновича потеряно не было... Михаил Семёнович вдруг подзывают меня и спрашивают: “Александр, а куда Гоголь ушёл?” Я им говорю: “Какой Гоголь?” – “Николай Васильевич”. – “Он давно уж помер”. – “Как помер? Давно ли?” – “Давно”. – “Ничего, ничего не помню”. Это были последние его слова”.

“Живу я на берегу Псла...”

В один из апрельских дней 1887 года московский поезд, следовавший на юг, сделал длительную остановку в Белгороде, и молодой, но уже достаточно известный беллетрист Антон Чехов вместе с другими пассажирами посетил вокзальную “ресторацию” и даже упомянул об этом в дорожном письме к сестре, брошенном тут же, на перроне, в почтовый ящик: “В Белгороде щи. В Харьков приезжаем в 9 часов”.

Минул всего год, и Антон Павлович снова в чернозёмном краю. На этот раз надолго – он снимает на всё лето дачу на берегу Псла – белгородской реки, берущей исток неподалёку от Прохоровки.

Всякий раз, подыскивая дачу для многочисленной семьи (а с Чеховым жили его отец и мать, сестра, братья и ещё несколько родственников), писатель выбирал место рядом с рекой. Много радостных дней провёл он с дочками возле подмосковной Истры. Увлечение рыбалкой разделяли с ним и его друзья. И теперь, забираясь “в провинциальную глубинку”, Чехов настойчиво зовёт их погостить.

“Я нанял дачу... на реке Псёл, – сообщает он 25 марта поэту и художнику Якову Полонскому. – Место поэтическое, изобилующее теплом, лесами, хохлами, рыбой и раками. От дачи недалеко Ахтырка и другие прославленные хохлацкие места. Понятно, что я дорого дал бы за удовольствие пригласить Вас с Вашей музой и красками на юг попутешествовать с Вами вдоль и поперёк Хохландии, от Дона до Днепра”.

И – через неделю – в письме к поэту А. Н. Плещееву: “Псёл река глубокая, широкая, богатая рыбой и раками. Кроме него, на моей даче имеется ещё пруд с карасями, отделённый от реки плотиной. Дача расположена у подножия горы, покрытой садом. Кругом леса. Много барышень”.

Немного осмотревшись на новом месте, Антон Павлович спешит поделиться радостными впечатлениями и с братом (тоже заядлым рыболовом): “Иван!.. Дача великолепна... Местность поэтична, флигель просторный и чистенький, мебель удобная и в изобилии. Комнаты светлы и красивы, хозяева, по-видимому, любезны.

Пруд громадный, с версту длиной. Судя по его виду, рыбы в нём до чёрта. Передай папаше, что мы его ждём и что ему будет покойно. Бабкино (местечко в Подмосковье. – **Авт.**) в сравнении с теперешней дачей гроша ломаного не стоит. Один ночной шум может с ума свести! Пахнет чудно, сад старей-престарый, хохлы смешные, двор чистенький...

Жара ужасная. Нет сил ходить в крахмальной сорочке... Твой А. Чехов. Река шире Москвы-реки. Лодок и островов много. Подробности завтра или послезавтра”.

“Подробности” не заставили себя ждать, и в новом письме брату Ивану – опять-таки восхищённые строки о Псле, о плотине на реке и “большой мель-

нице”, “красивых высоких берегах”, “великолепной рыбной ловле”: “Ловлю рыбу, но не очень. Живцов ещё не ставил. Окунь берет, как в Бабкине ерши. Пришли мне крючки и штаны”.

На берегах Псла писатель познакомился со многими местными жителями. Один из них – “служащий сахарозавода Артёменко”. Дошедшие до нас чеховские письма и заметки не сохранили имени-отчества этого человека, но мы узнаём, что Артёменко часто ездил по сахарным заводам миллионера Харитоненко, бывал и на крупнейшем из них – в Красной Яруге. Ещё одна живая ниточка связи великого русского писателя с Белогорьем.

Артёменко и других местных селян Чехов называет “страстными рыболовами” и добавляет: “Я уже со многими знаком и учусь у них премудрости”.

Уроки селян не проходили даром. В новом обширном послании брату Ивану столько впечатлений и просьб, что писатель излагает их даже по пунктам: “... 3) Река широка, глубока и красива. Водятся в ней следующие рыбы: окунь, чебак, язь, судак, белизна (порода шелишпёра), голавль, плотва, сом, сибиль, щука, ласкирка... Первая рыба, какую я поймал на удочку, была щука, вторая – большой окунь. Окуней здесь ловят на рачьи шейки. Раков тьма-тьмушая. В пруде не клюёт.

4) Удилища есть, поплавки тоже. Привези возможно больше всяких крючков, очень больших, средних и очень малых, немного с волосками для нас и много без волосков для раздачи хохлам и хохлятам. Требуются большие крючки для сомов – такой (здесь рисунок) или чуточку даже больше. Привези лесок и струн. Лодок здесь много, и рыбу ловят с лодок. Жерлиц не крадут”.

Восторженных слов о Псле и окружающей чудесную реку “величественной природе” особенно много в письмах Чехова к его именитым друзьям. Владимиру Галактионовичу Короленко: “Что за места! Я положительно очарован!”; “... Уж очень у меня хорошо, так хорошо, что описать нельзя! Природа великолепна; всюду красиво, простора пропасть, люди хорошие, воздух тёплый, тоны тоже тёплые, мягкие”.

Издателю А. С. Суворину: “Живу я на берегу Псла, во флигеле старой барской усадьбы. Нанял я дачу заглазно, наугад и пока ещё не раскаялся в этом. Река широка, глубока, изобильна островами, рыбой и раками, берега красивы, зелени много... А главное, просторно до такой степени, что за свои сто рублей я получил право жить на пространстве, которому не видно конца”. Поэту А. Н. Плещееву: “Каждый день я езжу в лодке на мельницу, а вечерами с маньяками-рыболовами с завода Харитоненко отправляюсь на острова ловить рыбу. Разговоры бывают интересные. Под Троицу все маньяки будут ночевать на островах и всю ночь ловить рыбу; я тоже. Есть типы превосходные; Артёменко поймал сегодня щуку, а я вынул из вентерей 6 карасей”.

Плещеев и сам выбрался на Псёл к Чехову и тоже был очарован, околдован красотой золотой реки. И оставил на память другу стихи:

Цветущий мирный уголок,
Где отдыхал я от тревог
И суеты столицы душевной,
Я буду долго вспоминать,
Когда вернусь в неё опять,
Судьбы велениям послушный.
Отрадно будет мне мечтой
Перенестись туда порой, —
Перенестись к семье радушной,
Где тёплый дружеский привет
Нежданно встретил я, где нет
Ни светской чопорности скучной,
Ни карт, ни пошлой болтовни,
С пустою жизнью неразлучной;
Но где в трудах проходят дни
И чистый бескорыстный труд
На благо края своего
Ценить умеет темный люд,
Платя любовью за него...

Покидать благодатные места, расставаться с чудесной рекой Чехову совсем не хотелось: “Каналья Псёл, как нарочно, с каждым днём становится всё красивее, погода прекрасная; с поля возят хлеб. Вероятно, и будущее лето я буду жить на Псле”...

Едва дождавшись в Москве окончания зимы, Антон Павлович снова озаботился “дачным вопросом”. В марте 1889-го он пишет своему другу, писателю И. Л. Леонтьеву (Щеглову): “Голова моя занята мыслями о лете и даче. Денно и ночью мечтаю о хуторе. Я не Потёмкин, а Цинцинат. Лежанье на сене и пойманный на удочку окунь удовлетворяют моё чувство гораздо осязательнее, чем рецензии и аплодирующая галерея. Я, очевидно, урод и плебей”.

И новая — столь желанная — встреча с полюбившейся рекой происходит уже через месяц, в апреле: “Живу я теперь на лоне природы, сплю, ловлю раков...”; “Воздух великолепный, Псёл величественно ласков” (это из письма сестре Мариин Павловне). Даже в скуповатом по стилю, деловом письме к издателю А. С. Суворину такие строки: “...Хозяйские лодки где-то в лесу у лесника. Ограничиваюсь поэтому только хождением по берегу и острою завистью к рыбакам, которые снуют по Пслу на своих челноках. Встаю я рано, ложусь рано, ем много, пишу и читаю”.

Впрочем, уже в следующем послании издателю — целая поэма в прозе: “Пишу Вам, дорогой Алексей Сергеевич, вернувшись с охоты: ловил раков. Погода чудесная. Всё поёт, цветёт, блещет красотой. Сад уже совсем зелёный, даже дубы распустились. Стволы яблонь, груш, вишен и слив выкрашены от червей в белую краску, цветут все эти деревья бело, отчего поразительно похожи на невест во время венчания: белые платья, белые цветы и такой невинный вид, точно им стыдно, что на них смотрят. Каждый день роятся миллиарды существ. Соловьи, бугаи, кукушки и прочие пернатые твари кричат без умолку день и ночь, им аккомпанируют лягушки. Каждый час дня и ночи имеет какую-либо свою особенность. Так, в девятом часу вечера стоит в саду буквально рёв от майских жуков. Ночи лунные, дни яркие. Сего ради настроение у меня хорошее и если б... не комары, от которых не помогает даже рецептура Эльпе, то я был бы совершенным Потёмкиным. Природа — очень хорошее успокоительное средство”.

И в конце августа — “самого рыбацкого месяца” — Чехов сетует в письме к Леонтьеву (Щеглову): “Погода великолепная. Нужно бы работать, а солнце и рыбная ловля за шиворот тащат прочь от стола”.

Однако неотложные писательские дела и заботы настойчиво позвали в столицу, и в ночь с 3 на 4 сентября Чехов выехал “на товарно-каторжном поезде в Москву”.

Так закончилось второе лето на Псле.

Впоследствии писателю лишь однажды — уже в 1894-м — довелось провести неделю на “великолепном Псле”. И вновь он вызвал восхищённые чеховские слова: “Это такая поэзия, — что хоть отбавляй!”...

Заболев туберкулёзом, Антон Павлович немало времени провёл на южных российских курортах, лечился и в живописных местах за границей. Но и там часто вспоминал нашу прекрасную речку-землячку — благословенный родниковый Псёл. И в сентябрьском письме 1894 года из Италии сделал такое признание: “Аббация и Адриатическое море великолепны, но Псёл лучше”.

“В долинах под Белгородом”

В 1889 году девятнадцатилетний Иван Бунин покинул родовое гнездо — хутор Бутырки в Орловской губернии. Оно было уже почти разорено отцом, увлекавшимся не только охотой, но и вином и карточной игрой, частенько при этом проигрывая. Юноше пришлось путешествовать по стране в поисках средств к существованию, работать библиотекарем, корректором, статистиком, торговать книгами.

В Орле в том же 1889-м Иван Бунин познакомился с Варей Пашенко (она тоже работала в местной газете) и влюбился в молоденькую девушку. Они прожили вместе четыре года, прожили в гражданском браке — Варины родители не соглашались отдать дочь за “бедного поэта”. А когда, наконец, дали своё родительское благословение на церковное венчание, Варя... сбежала от Бунина, оставив записку: “Уезжаю, Ваня, не поминай лихом”...

А до этого были целых четыре года вместе. Были Орел, Харьков, Полтава. Их поездка в пассажирском поезде в Полтаву, где в земской управе заведовал статистическим бюро его старший брат Юлий, оставила в памяти Бунина глубокий яркий след...

Вдали от России, наново в воспоминаниях переживая свою жизнь, Бунин создаст роман “Жизнь Арсеньева”, наиболее значительное произведение эмигрантской поры его творчества. Роман, который справедливо считается главной книгой Бунина, “главной потому, что она, при своём невеликом объёме, как бы обняла собою всё написанное им до неё”, “самое откровенное, лирическое, исповедальное из бунинских творений” (из послесловия к последнему собранию сочинений писателя).

В пятой книге романа есть такая страница: Арсеньев с Ликой едут в “малорусский город, куда переселился из Харькова брат Георгий, оба на работу по земской статистике”:

“За Курском, чем дальше, тем всё теплей, радостней. На откосе вдоль шпал уже густая трава, цветы, белые бабочки, в бабочках уже лето.

— ...Смотри, смотри, какие громадные тополя! И уже совсем зелёные! Зачем столько мельниц?

— Ветряков, а не мельниц. Сейчас будут видны меловые горы, потом Белгород.

— Я теперь понимаю тебя, я бы тоже никогда не могла жить на севере, без этого обилия света.

Я опускаю окно. Тепло дует солнечный ветер, паровозный дым южно пахнет каменным углём. Она прикрывает глаза, солнце горячими полосами ходит по её лицу, по играющим возле лба темным молодым волосам, по простенькому ситцевому платью, ослепительно озаряя и нагревая его.

В долинах под Белгородом милая скромность празднично цветущих вишнёвых садов, мелом белеющих хат. На вокзале в Белгороде ласковая скороговорка хохлушек, продающих бублики.

Она покупает и торгуется, довольная своей хозяйственностью, употреблением малорусских слов.

Вечером, в Харькове, мы опять меняем дорогу...

Литературоведы справедливо не ставят знака равенства между Буниним и героем романа, Варей Пашенко и Ликой. “Жизнь Арсеньева” — не дневник, а художественное произведение. Неудивительно, что в нём смещено и время памятной поездки в Полтаву — с конца лета (август 1892 года) на начало.

Впрочем, Бунину доводилось проезжать Белгород по пути на Украину не раз. Трудно сказать, в какую из поездок (скорей всего, в самую первую) запала в память художника полная ярких красок и запахов картина, в которой мы и сегодня — спустя целое столетие — без труда узнаём приметы родного Белогорья.

Наверняка уже немало белгородцев и гостей нашего города побывало у памятника великому художнику слова, первому русскому писателю — лауреату Нобелевской премии Ивану Алексеевичу Бунину. Памятник установлен в 2011 году на улице Студенческой, около старого здания Белгородского государственного университета. И инициатива создания памятника принадлежит преподавателям и студентам университета. Его автор — заслуженный художник России белгородец Анатолий Александрович Шишков.

На гранитном постаменте — чудесные бунинские строки: “В долинах под Белгородом милая скромность празднично цветущих вишнёвых садов, мелом белеющих хат...”

Военный дневник Бориса Полевого

Фронтовой корреспондент “Правды”, писатель-очеркист Борис Полевой всё лето сорок третьего провёл в частях, сражавшихся на северном, орловском фланге Дуги. Но когда советские воины, освободив Белгород, устремились к Харькову, редакционная коллегия “Правды” срочно командировала своего корреспондента на юг.

По дороге, в машине, Полевой вёл записи. По сей день эти беглые путевые заметки читаются с особым, неослабевающим интересом: “За Курском уже чувствуется Украина. Деревянные избы Подмосковья, кирпичные домики

тульских деревень, тёсовые избы Орловщины сменяются постепенно глинобитными, крытыми соломой хатками... К Прохоровке леса кончились, вокруг простёрлась холмистая степь. Когда машина въезжала на вершину холма, степь можно было видеть на десятки километров. Эта жёлтая холмистая степь и была совсем ещё недавно местом гигантского танкового сражения – одного из самых больших и жестоких сражений в этой войне.

Прохоровке, некогда большому, утопавшему в зелени, селу, славившемуся своими садами и особым, “прохоровским” сортом яблок, дважды суждено было оказаться в центре великих битв. В первый раз это было, когда армия кайзера, оккупировавшая Украину, двинулась на север, к Москве. Здесь, у Прохоровки, армия эта была остановлена, а потом основательно побита частями Красной армии...

Почти через четверть века Гитлер направил свои бронированные орды к Москве. Здесь, в холмистой, выжженной солнцем степи, его дивизиям путь преградили наши танковые части...”.

В деревушке Малые Проходы, где разместился штаб Степного фронта и корреспондентский корпус, Полевой, положив перед собой дорожный блокнот, быстро написал материал и в тот же день отправил его в Москву. И 20 августа в “Правде” появились путевые заметки “По военной дороге”.

А одно из самых известных произведений Полевого – книга военных очерков “От Белгорода до Карпат” – начинается с описания Белгорода летом 1943-го: “Перед нами на фоне голубовато мерцающих меловых холмов встал Белгород – исходная точка летнего немецкого отступления. Даже отсюда, не съезжая с дороги, можно различить несколько мощных оборонительных поясов, концентрическими полукольцами прикрывающих город. Это сильные инженерные сооружения, на которые немцы не пожалели ни средств, ни материалов”.

Полевой рассказывает, насколько хорошо немцы продумали свои инженерные сооружения, но, несмотря на это, потерпели крах, столкнувшись с натиском русских: “Внешнее кольцо белгородской вражеской обороны представляет собой цепь сильно укрепленных, взаимодействующих между собой высот с разветвленной системой огневых точек. Они имеют широкий сектор обстрела с густой сетью траншей, часто крытых и даже блиндированных, с дзотами для пулемётов и пушек, с погребками и ровиками для хранения снарядов. Подходы к этим высотам густо опутаны проволокой. Танкопроходимые места были заминированы на большую глубину, а сами высоты защищены противотанковыми рвами или ручьями с крутыми эскарпированными берегами. Мы присаживаемся на лафете разбитой немецкой зенитки, и полковник рассказывает, как эти укрепления были взломаны”.

Будучи военным корреспондентом, Борис Полевой побывал на многих участках советско-германского фронта. Ему довелось встречаться с представителями самых разных родов войск, с людьми, совершенно разными по роду занятий до войны, по профессии, образованию и культурному уровню, но единными в стремлении разгромить гитлеровские полчища. Он бывал всюду – и в штабах армий и дивизий, и на передовой. Он, внимательно вглядываясь во все детали боя, шёл вместе с атакующими частями. Его оружием было “перо” корреспондента, но бывали моменты, когда в руках у писателя оказывался и автомат.

В своих военных дневниках Борис Полевой эмоциональным, точным, талантливым языком рассказал нам, не знавшим войны, о мужестве и героизме воинов Великой Отечественной, о беспримерной смелости партизан, сражавшихся в тылу немецких войск, о трудовых подвигах работников тыла, о звериной сущности фашизма.

Многие фрагменты военных очерков Бориса Полевого вошли затем в его главную книгу – “Повесть о настоящем человеке”.

Страница фронтовой биографии

Широкому кругу читателей хорошо известно имя народного писателя Беларуси, Героя Социалистического Труда, лауреата Государственной премии СССР Василя Быкова, автора более двух десятков замечательных повестей, действие которых происходит во время Великой Отечественной войны

и в которых показан нравственный выбор человека в наиболее драматичные моменты жизни. Василь Владимирович и сам прошёл всю войну, что называется, от звонка до звонка. Он участвовал в боях за Кривой Рог, Александрию, Знаменку. Во время Кировоградской операции был тяжело ранен. Освобождал Румынию, Болгарию, Венгрию, Югославию, Австрию. Но одна из самых драматичных страниц военной биографии Василя Быкова связана с нашим городом.

Война застала будущего писателя на Украине, где он участвовал в оборонных работах. Отступая вместе с частями Красной армии, он оказался в Белгороде, где случайно отстал от своей команды.

В книге “Долгая дорога домой” В. Быков вспоминал: “В Белгороде я попробовал купить фруктового чаю, который можно было есть, но застрял в толпе возле прилавка. Из-за этого отстал от колонны, а потом и потерял её. Пока бегал по забитым войсками улицам, наступила ночь. Усталый, зашёл в полуразрушенный бомбой дом и заснул. Разбудил комендантский патруль. Отвели в комендатуру. Там ночной допрос – кто такой, почему отстал, с какой целью? Обыскали, отобрали документы. Нашли в моём чемоданчике карту, выданный из учебника листок, на котором я, грамотей, отмечал, как движется фронт. Этот листок меня едва не погубил. Лейтенант в синей фуражке, допрашивавший меня, после первых же слов ударил в одно ухо, потом другой рукой – в другое: “Почему скрывался?” Я попробовал объяснить, что отстал от команды, что иду из Сумской области, а мой следователь на это отвечал: “Все так говорят, грубо работают ваши фашисты, по шаблону. Но мы выбьем из тебя признания, японский городовой!” Это необычное ругательство я тогда услышал впервые и запомнил на всю жизнь”.

Решив, что пойманный с картой парнишка – это заброшенный к нам в тыл немецкий агент, бдительные особы отдали приказ: шпиона расстрелять!.. Но Василию Быкову в самый последний момент повезло: “В очередной раз пришли двое – молодой в синей фуражке и пожилой усатый красноармеец с винтовкой. Этот усатый с винтовкой кивнул мне – на выход, и я послушно поднялся. Не помню, как вышли из подвала. Через мощёный двор свернули за угол кирпичного здания на вытопанные огородные грядки. И там под старым деревянным забором я разглядел в крапиве длинные ноги в высоко накрученных обмотках. И я не сдержался – слёзы сами ручьём полились из глаз. А красноармеец застыл в изумлении от моего безмолвного плача и вдруг говорит: “Пацан, беги! Быстро!” И я рванул через грядки с картошкой к близкому пролому в заборе, ожидая, что сейчас он в меня выстрелит. Он и правда выстрелил, но вверх. Как я понял, убегая, хоть даже не оглянулся..

Мне вообще тогда повезло. Когда я нашёл в стороне от дороги в лесу свою команду, та уже строилась для формирования... Про свои драматические приключения в Белгороде долго никому не рассказывал, о документах потом писал, что утрачены во время войны. Без лишних подробностей”.

Так начиналась “долгая дорога домой” для будущего классика советской литературы Василя Владимировича Быкова и могла трагически закончиться в самом начале у нас, в Белгороде. А сколько неведомых миру талантов сложили свои головы в годы Второй мировой? Кто знает, кто ответит?..